

ЖОРА ХАРАКС

КАЗАК, БАРАН и ЧЁРТОВА ПРОРВА

ЖОРА ХАРАКС

Казак, баран и чёртова прорва

«Автор»

2026

ХАРАКС Ж.

Казак, баран и чѐртова прорва / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

«У той беды одно начало — сидела баба и скучала». Стоило казачке пожелать летающего барана с золотым руном — и Остапу пришлось седлать Воронка. С ним отправились трое друзей: хитрец, задолжавший самому чѐрту, силач, боящийся собственной тени, и знаток преданий, скрывающий старую вину. Но в этой дороге главными товарищами окажутся кони: они чуют беду раньше людей и не бросают хозяев даже у края пропасти. А золотой баран — не трофей. Это Хрисомалл, тот самый баран из преданий о Колхиде и Медее, навсегда запомнивший девочку, которую не сумел спасти. Его руно защищает Запорожскую Сечь. Одна насильно срезанная прядь — и на три ночи откроется дорога нечисти. Теперь чѐрт требует долг, друзья скрывают правду, а Остапу предстоит выбрать: исполнить желание жены или сохранить чудо свободным. И ещё неизвестно, что страшнее — Чѐртова Прорва или вопрос хозяйки у ворот: «А где баран?» Лукавая и трогательная казачья сказка о дружбе, верности и золоте, которое нельзя взять силой.

© ХАРАКС Ж., 2026

© Автор, 2026

ЖОРА ХАРАКС

Казак, баран и чёртова прорва

ЖОРА ХАРАКС
КАЗАК, БАРАН

И ЧЁРТОВА ПРОРВА

Сказочная повесть

«У той беды одно начало — сидела баба и скучала».

Пролог. Сечь под невидимой охраной

В старину говорили: сколько ни стой на страже, а беда всё отыщет тропинку, если кто-нибудь ей сам ворота отопрёт. Про это и был у запорожцев один рассказ. Старики сказывали его негромко, не за чаркой, а под конец долгого вечера, когда в печи оставались одни угли.

Шёл однажды по берегу Днепра баран с золотой шерстью. Не звенел у него на шее колокольчик, не плёлся следом пастух. Шёл один, хромая на заднюю ногу. Откуда явился — никто не ведал; на золотом боку виднелась засохшая кровь, а в основании левого рога запуталась голубая нитка, вылинявшая от солнца.

У переправы его заметили трое казаков. Один присвистнул: такого руна хватило бы выкупить пленника из самой дорогой неволи. Второй уже потянулся к ножу. А третий, старый сторож с воспалёнными от ветра глазами, отвёл его руку.

— Живого не тронь. Видишь, еле стоит. Кто знает, от какой напасти он сюда дошёл.

Принесли воды в деревянной миске, дали корку хлеба, перевязали рану. Баран ел медленно и всё смотрел на степь. Никто не спрашивал платы за гостеприимство; больше того — один молодой казак даже норовил скрыть от товарищей, что положил ему под голову свою свитку.

Ночью с востока пришёл ветер, какого и старые люди не помнили. В камышах огоньки гасли один за другим, вода в заводях чернела. Из дальнего разлома поползли тени — не человеческие и не звериные; только чёрная тяжесть клонила траву. У сторожевой вышки затрещал огонь. Тогда золотой баран вышел к Днепру и встал против ветра. Руно его вспыхнуло тихим светом. Тени бились о невидимую преграду, как ночные бабочки об слюду фонаря, а до рассвета отступили в степной разлом.

Наутро баран заговорил со сторожем человеческим голосом:

— Вы не взяли меня в плен, когда могли. Я останусь на вашей стороне. Пока свободно хожу по земле и пока моё живое руно не тронут силой, нечисти к вашей Сечи хода не будет.

— А шерстинка обронится? — спросил сторож.

— Обронённая не повредит. Подаренная — тоже. Но срежет человек насильно хоть прядь — на три ночи разомкнётся защита. Не дай Бог кому-нибудь пожелать такой удачи.

— А сам чёрт не сострижёт?

— Не сможет, пока обет держится. Руку человеческую ищет: жадную, испуганную или связанную обещанием.

Старик поклонился барану и никому не приказал за ним следить: нельзя было сторожить свободу, посадив её на цепь.

Шли годы. Менялись на Сечи атаманы, поднимались новые курени, подрастали казачьи сыновья. Сторож умер; рассказ пережил его. Молодые посмеивались над старицкой верой, а один чёрт по прозвищу Кривокопыт три условия обета помнил крепче всякого писаря.

Он и искал человека, который ради малого своего счастья согласится отпереть большую беду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БАБЬЯ ПРИХОТЬ

ГЛАВА 1. НАКАЗ КАЗАЧИЙ, ДА БАБИЙ

Впрочем, началась наша беда без всякой нечисти. Недалеко от Чортомлыкской Сечи стояла белёная хата, крытая соломой. На завалинке грелся кот, в огороде склонялись тяжёлые подсолнухи, а у печи борщ доходил до такого запаха, что даже соседские куры вытягивали шеи через плетень.

В этой хате жили Остап и его жена. Остап привык решать дела коротко: что сломано — починить, что голодно — накормить, что не в его силах — обождать до утра. Жена, напротив, считала, что до утра стоит откладывать разве что похороны: всё остальное можно наладить сегодня. Хозяйство держалось на её зорком глазе, и Остап не спорил с этим, пока зоркий глаз не обращался на него.

А в тот день жена сидела у окна. Шитьё лежало нетронутое; ложка давно остыла в борще. За окном прошла соседская свинья, остановилась, с чувством вывалялась в пыли. Жена проводила её взглядом и вздохнула так, словно свинье выпало больше счастья, чем ей.

— Остап!

Казак перестал жевать вареник.

— Чего, голубушка?

— Скучно мне.

— Так пойдёшь к куме.

— Была.

— К соседке.

— Поссорилась.

— Помиришь.

— Уже. Скучно.

Остап поглядел на дверь: близко ли? Жена заметила.

— Хочу барана.

— Завтра куплю. Белого? Чёрного?

— Золотого.

— Какого?

— С золотым руном. И чтоб летал.

Остап отложил ложку: такого разговора нельзя было вести с полным ртом.

— Он тебе для шерсти или для полётов?

— Для красоты. Поставлю его во дворе, соседки придут смотреть. Вот тогда и узнают, что мой муж не хуже царя.

— У царя, душа моя, за баранами полцарства бегает. А я один.

— Вот и зови товарищей. Ты же не безродный.

В голосе её прозвучала обида, которой Остап прежде не слышал. Она, конечно, могла обойтись без золотой шерсти. Только за долгими его походами, хозяйственными заботами и чужими вестями ей хотелось чего-то такого, что было бы только их собственным чудом. Остап понял это — и оттого спорить стало труднее.

— Ну, ступай, — сказала она уже тише. — Без барана не возвращайся.

— Приеду, — ответил Остап. — А с бараном ли — по дороге разберёмся.

— Нет уж, не юлить тебе. Ты мне казак или разбойник с пустой сумой?

— Казак. Разбойники, как правило, менее женатые.

Остап не стал доказывать, что бараны обыкновенно ходят по земле. Когда жена говорила «ступай», ей было не до устройства мироздания.

Вышел он во двор к старому вороному коню. На лбу у Воронка белела звезда, на плече — шрам. Когда-то конь вынес раненого Остапа из боя, а Остап три ночи потом лечил коня и поил с ладоней. С тех пор их дружбу нельзя было ни купить, ни разлучить поводом.

— Слыхал, брат? — спросил казак. — Нам с тобой за летающим бараном.

Воронко положил ему морду на плечо.

— Ты ведь тогда из огня меня вынес, хоть сам весь кровью изошёл, — сказал Остап, расправляя слипшуюся гриву у старого шрама. — Теперь опять дорога. Только не гадай, зачем барану летать; я и сам не разумею.

Воронко прижал тёплую морду к его плечу. Остап постоял так, пока со двора не донеслось:

— Положила тебе в торбу сало! Только не раздавай каждому встречному!

— Слышал? — шепнул он коню. — За салом теперь тоже присматривать придётся.

Воронко фыркнул. Со стороны можно было подумать, что рассмеялся.

ГЛАВА 2. КОГО НИ ПОЗОВИ — ВСЯК СО СВОИМ УМОМ

На Сечи Остап отыскал Семёна Крутивуса. Тот умел торговаться с таким жаром, что торговец в конце концов отдавал ему вещь, лишь бы замолчал. Усы у Семёна загибались в стороны, будто два вопросительных знака.

— Идём за золотым бараном, — сказал Остап.

— Сколько золота?

— Не знаю.

— Где баран?

— Не знаю.

— А летает?

— Говорят.

— Пойду, — решил Семён. — Нельзя же тебя одного отпускать: ты и цену-то спросить забудешь.

У Семёна был рыжий конь Рыжик. Тот обожал яблоки и терпеть не мог, когда хозяин считал деньги вместо того, чтобы почесать ему за ухом. Семён вырастил Рыжика с жеребёнка. Кому-то казалось, что конь слушается хозяина; Демьян уверял, что всё как раз наоборот.

Вторым позвали Панька Громыхало — великана с руками, как оглобли, и душой такой впечатлительной, что по ночам он пугался собственного храпа.

— Баран большой? — спросил он.

— Не видели.

— Бодается?

— Возможно.

— А на лету?

— На лету не проверяли.

— Тогда поеду, — сказал Панько, побелев. — Кто ж вас от такого чудовища спасти сможет?

Его серый конь Сивко был коренаст, терпелив и упрям. Если Сивко считал, что переправа опасна, Панько мог пообещать ему хоть весь овёс на Сечи — конь с места не сходил. Обычно оказывалось, что Сивко прав.

Последним пришёл Демьян Непийвода — знаток песен, старых сказаний и всех мест, где подают добрый квас. Он послушал про барана, перестал шутить и сказал:

— Про золотое руно слышал. Не на каждой дороге над ним смеются.

— Вот ты и расскажешь, — ответил Остап.

У Демьяна был гнедой Туман. Ни красивее, ни быстрее прочих, зато умел найти воду по запаху мокрых камней и не путал знакомую дорогу с короткой. Демьян ему верил, хотя при людях уверял, что верит только собственным глазам.

Перед дорогой пришли к Остапу во двор. На ровной земле проверили копыта, подтянули подпруги, положили у седла по мотку верёвки. Панько украдкой трогал узелок с ладанкой. Семён пересчитывал в ладони серебро, хотя ни одного нового гроша в кошеле не прибавилось. Демьян долго разглядывал дорогу, уходившую за огородом к высохшей балке, точно припоминал место, о котором никому не хотел говорить.

Собрались четыре казака и четыре коня. Пятого казака им было бы много; без любого из четырёх коней — уже не хватило бы кого-то своего.

Остап проверил подпруги ещё раз, Панько запас длинную верёвку, Демьян взял огниво, а Семён — большую пустую суму.

— Для чего? — спросил Остап.

— На всякий случай.

— Какой?

— На золотой.

ГЛАВА 3. ШЕРСТИНКА НА ПОДОКОННИКЕ

До полудня ещё маячила за спиной Сечь, к вечеру и она пропала за белёсой чертой неба. Шли степью. В ковыле жили невидимые птицы, стрепет взлетал из-под самых копыт, а вечерний ветер тащил по равнине запах полыни и сухого конского пота. В первую ночь казаки говорили много, во вторую мало. На третью каждый уже слушал не товарища, а лошадь под собой: как дышит, не подбивает ли ногу, не просит ли воды. На четвёртый вечер остановились на постоялом дворе, где хозяйка подавала кашу с салом, а хозяин всегда предупреждал: «У меня клопы смирные, пока голодные».

Воронко у ворот упёрся, понюхал землю. На подоконнике блеснуло нечто тонкое.

Семён уже протянул руку, когда золотая ниточка поднялась от сквозняка и легла ему на палец.

— Ух ты! — шепнул он. — Чистое золото!

— Шерстинка, — сказал Демьян. — И сама выпала, видишь: корешка нет.

В комнату вошёл старый подорожный мастер, чинивший упряжь.

— Это от того, кого ищите, — сказал он. — Не тяните за чужое руно. Сам обронил — бери на память. Срежешь силой — откроешь дорогу тому, кого лучше не видеть.

— Чего ж такого в баране? — спросил Панько.

— Не в золотом он весь, — ответил старик. — Ищите сначала того, кому досталось жить с золотом.

Семён хотел попросить шерстинку оставить у себя, но Воронко неожиданно толкнул его локтем морды. Ниточка упала в пригоршню Остапу.

— Ладно, — сказал Семён. — Пока пусть у тебя. Только не потеряй капитал.

После ужина на дворе разгорелся спор. Хозяин требовал плату за овёс, которого кони ещё и не видали; Семён доказывал, что чужой овёс нельзя продавать дважды. Под это дело мальчишка-конюх, не спросив, поднёс Воронку ведро с мутной водой. Конь отвернулся. Остап попробовал воду пальцем — горчила железом. Он велел вылить её и сходил с мальчиком к роднику под откосом.

— Ты что, по вкусу догадался? — удивился мальчишка.

— Конь раньше меня. И сто раз раньше тебя.

Хозяин двора вышел к воротам, оглядел пустую дорогу и опустил голос:

— Вчера здесь человек спрашивал про четырёх всадников. Лицо у него было обычное, хоть сейчас вспомни, — и не помню. Только сапог на одной ноге подбит будто копытом.

Остап обменялся взглядом с Демьяном. Тот, как всегда, улыбнулся, но теперь улыбка получилась ему не к лицу.

— Чего ему от нас? — спросил Панько.

— Может, хотел в долг попросить, — отшутился Семён.

— От тебя? — Остап покачал головой. — Тогда был бы не человек, а великий мученик.

Ночью они увидели под окном ещё один след: раздвоенное копытце будто печаталось на сухой пыли и не оставляло вмятины. След уходил к востоку.

А за воротами двора кто-то долго стоял невидимый. Кони слышали его дыхание; люди — нет.

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Наутро к постоялому двору пришёл седой путник с чёрной кобылой. Назвался Яремой. Лицо обветренное, ладони в старых рубцах, глаза смотрят прямо, а на вопрос, откуда он явился, отвечает: «С дороги».

Хозяин двора уверял, что Яремы здесь прежде никогда не бывало. А Демьян узнал старый ремешок на уздечке его кобылы — с выжженной буквой «М» — и внезапно принялся разглядывать чашку.

— Куда держите? — спросил Ярема.

— За золотым бараном, — ответил Остап.

— Путь знаю. Не прямой он. Через речку, что вспять ходит, через Каменную Балку, затем к Чёртовой Прорве. Водить могу. Только одного прошу: где конь отказывается идти, сначала спросите почему, а после уж сердитесь.

— Ты сам там бывал? — спросил Демьян.

Ярема помедлил.

— Бывал.

— И что там потерял?

— Дорогу обратно, — сказал старик.

Остап не любил загадок, но заметил: при виде Яремы Воронко не пятился и ушей не прижимал. А это для него было вернее рекомендательного письма.

Остап разглядел на Яреминой кобыле старую седельную суму, заштопанную суровой ниткой. Такая не появляется у человека, вчера вышедшего в дорогу. Кобыла была усталая, но ухоженная: на её копытах сохранились следы свежей расчистки, а спину не натирало ни одним ремнём. Остапу пришёлся по душе этот уход, и он согласился взять старика.

Всю дорогу до первого привала Ярема шёл пешком, хотя его кобыла была осёдлана. На крутом подъёме Остап остановился и предложил ему сменить Воронка на более лёгкую лошадь, но старик отказался:

— Твоя старина под тобой знает твой вес. Под чужим и дышать станет иначе. Нехорошо в дороге менять товарищей, как ремни на седле.

Воронко обернулся на этот голос и внимательно повёл ухом.

Когда поравнялись с большим курганом, Ярема вдруг снял шапку. Ни могилы, ни креста рядом не было. Остап не стал спрашивать, кого он поминает. А Демьян, ехавший позади, посмотрел в ту сторону и тихо затянул старую песню. На середине куплета осёкся: там называлось имя Михайло.

Решили ехать вместе. На привале Ярема достал из седельной сумы гребень и долго распутывал чёрной кобыле гриву. Демьян смотрел на его руки и всё избегал лица. Вечером старик спросил его тихо:

— Ты знал моего Михайла?

— Много кого знал, — ответил Демьян. — Всех не упомнишь.

Старик отвернулся. Демьян засмеялся не к месту над Паньковой шапкой, упавшей в похлёбку, и смех у него вышел такой пустой, будто в бочке днище вынули.

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ НОЧЁВКА И ПЕРВАЯ НЕПРАВДА

Ночевали у низкого болота. Ярема велел не сходить с сухой гряды, но Демьян заметил знакомый чёрный камень и сказал, что знает тропу короче. Не сказал только, откуда знает.

К утру зашумели в камышах и услышали тонкое ржание. Молодой жеребёнок увяз по брюхо, на твёрдом берегу металась его мать.

— Обойдём, — предложил Семён. — Иначе сами засядем.

Воронко не тронулся. Он смотрел на жеребёнка. Туман подошёл к краю воды и нашёл взглядом узкую полосу осоки, где под грязью лежали корни.

— Достанем, — сказал Остап.

Панько лёг на живот, потянулся к жеребёнку, едва не ушёл сам под воду. Демьян привязал его к длинной верёвке, Семён закрепил другой конец за седлами. Четыре коня натянули постромки, но ждали команды. Остап выбрал слабину. Панько накинул петлю под передние ноги жеребёнка.

— Тяни!

Грязь чавкнула, будто болото жаловалось на несправедливость. Жеребёнок выскочил, свалился Паньку на грудь и облизал его в бороду.

— За спасение спасибо, — прохрипел Панько. — Только не целуй при товарищах.

Мать увела детёныша. Перед уходом она трижды повернулась к казакам, будто запоминала каждого.

Пока тянули жеребёнка, Рыжик оступился на скользком корне. Он не упал, только после стал осторожно ставить переднюю ногу. Семён сперва махнул рукой: «Пройдёт». Но конь ступил ещё раз и вздрогнул всей шеей.

Остап присел у копыта, осторожно ощупал сустав.

— Не поскачет он теперь. По хорошей дороге шагом пойдёт, а галопом загубишь.

Задержались на день. Холстину, сбережённую на собственные раны, порвали для повязки. Семён молча отдал последнее яблоко Рыжику. И никому не сказал, что на ночлеге поглядывал на повязку чаще, чем на свою дорожную суму.

А ночью Демьян заметил возле того же чёрного камня след железного каблука. Такой след он уже видел когда-то давно, рядом с Яреминым сыном Михайлом. И снова промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.